

Их близость не была сладкой, исполненной нежности... Но в ней таилась щемящая, отчаянная страсть.

У Ваньи добровольно приносил себя в жертву, без остатка отдавая свое тело Ми Юньцзиню.

Кожа Ваньи горела лихорадочным румянцем и влажно блестела от мелких капель пота; клеймо на животе казалось самым чувственным знаком, а распутившийся в пупке цветок становился всё ярче, наливаясь алым.

Но для самого У Ваньи вся земная красота не стоила и сотой доли великолепия Ми Юньцзиня. На лице того, обычно безучастном, словно у лесного духа или небожителя, впервые проступили иные чувства — его исказила сладкая истома.

Алые губы больше не произносили мягких слов; они лишь прерывисто выдыхали горячий воздух. Вечно спокойные, отрешенные глаза потемнели и стали бездонными.

У Ваньи не мог оторвать взгляда. Приподняв руку, он осторожно отвел в сторону ниспадающие белые пряди Ми Юньцзиня и коснулся его разгоряченной щеки.

— Ми Юньцзинь, поцелуй меня, — прошептал он.

Ми Юньцзинь перехватил его пальцы и, не отводя пристального взгляда, медленно склонился ниже. У Ваньи с трудом перевел дыхание. Когда чужие губы ласково и томительно коснулись его собственных, в его глазах отразилось слепое обожание.

— Поцелуй меня, Ми Юньцзинь... — сорвался с его губ хриплый вдох.

— Хорошо, — тихо отозвался тот и накрыл его рот своим.

У Ваньи улыбнулся, и из уголков его глаз покатались слезы. Он не мог сдержать их. Прикрыв веки, он приоткрыл рот, увлекая Ми Юньцзиня в глубокий, тягучий поцелуй. Влажные, тихие звуки выдавали неизбывную жажду, а все накопившиеся в груди чувства плавилась, превращаясь в прерывистые горячие вздохи.

У Ваньи крепко обнял Ми Юньцзиня — так отчаянно, словно хотел раствориться в нем, умереть в этих объятиях. В этом порыве билась безумная страсть и обреченность загнанного в угол зверя.

Ми Юньцзинь провел пальцами по его виску, стирая слезы. Тихий, глубокий вздох, сорвавшийся из самой глубины его существа, был полон щемящей горечи и нежности.

Даже в его вечной душе наконец поднялась буря простых человеческих чувств. Закрыв глаза,

он жадно целовал У Ваньи, прижимая его к себе всё сильнее.

Нежно-зеленые побеги бесшумно оплели постель, постепенно укрывая их тела и свивая вокруг плотный живой кокон. Вскоре из листвы медленно поднялся и распустился алый, сочный бутон. В самой его сердцевине, среди тычинок, засияло золотое семечко. Словно упавшая с небес звезда, оно подхватило легким сквозняком и вылетело в окно. Подобно светящемуся светлячку, крошечная искра, полная слепой веры и первозданной отваги, устремилась вдаль на крыльях ветра — туда, где ей суждено было пустить корни.

Никто не знал, куда принесет его ветер. Но «Ми Юньцзинь» мог прижиться где угодно. Будь то бурлящий жерлом вулкан, иссушенная солнцем пустыня или ледяной отвесный утес — затерянный в мире цветок везде найдет приют, чтобы дать ростки. Пройдет день, месяц или год... Ведомое судьбой, семя опустится на землю и расцветет самым прекрасным, самым ярким цветком.

До сих пор хранившая молчание система 7008 подняла взгляд вслед улетающей золотой искорке и безмолвно послала ей свое самое искреннее, благоговейное напутствие.

Солнце сменило луну.

У Ваньи резко открыл глаза, тяжело дыша. Взгляд его блуждал по пустой спальне. Ночью ему явилось удивительное, грандиозное видение, похожее на его прежние пестрые и фантасмагорические сны. Вот только теперь он отчетливо разглядел то, что раньше казалось лишь хаосом ярких красок. Это был прекрасный бутон, пробивающийся сквозь увядшие, сухие лепестки.

В панике он откинул одеяло и попытался встать, но колени подогнулись, и он рухнул на пол. Резкая боль не привела его в чувство, лишь усилила растерянность. Словно слепой, он заметался по комнате, пока взгляд его не упал на зеркало.

В отражении он увидел себя: худого до истощения, со впалыми ребрами. Цветка в пупке больше не было. Лишь на плоском животе остался блеклый золотисто-алый след, слабо мерцающий последними крохами тепла.

Спасительное облегчение хлынуло в грудь, и У Ваньи без сил осел на пол. Но уже через мгновение он судорожно поднялся, наспех натянул одежду и, спотыкаясь, бросился вниз по лестнице.

Посреди коридора он замедлил шаг и, словно в трансе, двинулся к выходу.

На улице моросило. Мелкий, как пыль, дождь окутывал сад белесой дымкой и оседал каплями

на куполе садового зонта. Под ним, в плетеном кресле, неподвижно сидел глубокий старик со снежно-белой головой.

Он сидел с закрытыми глазами, бессильно откинувшись на спинку. Ярко-алый цветок на его шее увядал: лепестки съежились и потемнели, словно из них безжалостно вытянули всю жизнь.

Босиком У Ваньши шагнул на мокрую траву. Подойдя к Ми Юньцзиню под дождевой изморосью, он медленно опустился перед ним на колени. Дрожащая рука потянулась к его лицу. Он коснулся сухих седых волос, провел пальцами по глубоким морщинам у глаз и осторожно огладил засохший бутон на шее.

Под его пальцами едва ощутимо, ниточкой, забился пульс. Невидимая петля, душившая У Ваньши все это время, наконец ослабла. Он шумно выдохнул и окончательно обессилел, опустившись прямо на сырую землю.

Морось быстро пропитала ткань домашней рубахи, смешиваясь с холодным потом. У Ваньши взял Ми Юньцзиня за руку — теперь сухую и морщинистую, — и, склонив голову, прижался лбом к его коленям.

— Ми Юньцзинь... — выдавил он сквозь подступивший к горлу ком.

Он спрятал лицо в складках его одежды, и горячие слезы обожгли остывающую кожу старика.

В глухом безмолвии сада теплая ладонь мягко опустилась на макушку У Ваньши и слабо взъерошила его волосы. Вздвогнув всем телом, юноша крепче сжал сухую руку. Он так и остался стоять на коленях, уткнувшись в его колени, не в силах вымолвить ни слова, пока беззвучные слезы пропитывали чужую одежду.

В ванной У Ваньши долго плескал в лицо ледяной водой, пытаясь смыть красноту с опухших глаз. Сделав глубокий вдох, он постарался придать лицу спокойное выражение и вышел в комнату.

Ми Юньцзинь сидел у окна, безучастно глядя на серую пелену дождя. Услышав шаги, он обернулся далеко не сразу. Заметив, что У Ваньши все еще в мокром, он негромко спросил:

— Почему ты не переоденешься?

— Сейчас переоденусь, — ответил У Ваньши. Он мельком взглянул на прорезавшие лицо Ми Юньцзиня морщины и поспешно отвел глаза. — Тебе тоже нужно сменить одежду.

По плечам Ми Юньцзиня расплывались темные пятна — его халат тоже успел промокнуть под дождем.

— Да, пожалуй, — отозвался старик.

Он тяжело опёрся на подлокотники и медленно, с видимым трудом поднялся. У Ваньи отвернулся, до боли стиснув зубы. Ему стоило огромных усилий подавить рвущееся наружу рыдание и проглотить горький ком, вставший в горле.

— Сегодня прохладно, надень кардиган, — У Ваньи замер перед платяным шкафом. При виде аккуратно разложенных вещей глаза его снова обожгло слезами. Раньше он был совершенно равнодушен к быту, и всю эту одежду для него заботливо подбирал и складывал Ми Юньцзинь.

— Как скажешь, — тихо ответил старик.

Запрокинув голову, У Ваньи сморгнул слезы и с напускным спокойствием повернулся, держа в руках теплые вещи.

— Не двигайся, я сам тебя одену.

Ми Юньцзинь слабо улыбнулся:

— Что с тобой? Я ведь еще могу сделать это сам.

— Я хочу помочь, — упрямо повторил У Ваньи, не поднимая глаз.

Взглянув на его покраснения вокруг век, Ми Юньцзинь едва заметно дрогнул ресницами. В его тускнеющем взгляде промелькнула нежность.

— Хорошо.

У Ваньи принялся пуговица за пуговицей расстегивать его рубашку. С каждым движением его глазам открывалось иссохшее, бледное тело. Кожа потеряла вчерашнюю упругость и гладкость, обвиснув на костях. Ночная вспышка неземной красоты оказалась лишь мимолетным, жестоким миражем. Пальцы У Ваньи задрожали так сильно, что он никак не мог совладать с мелкой костяной пуговицей.

Ми Юньцзинь спокойно накрыл его ладонь своей и с мягкой улыбкой спросил:

— Выглядит уродливо, правда?

У Ваньи резко вскинул голову. В его заплаканных глазах вспыхнула ярость, которой старик не ожидал увидеть.

— Что ты такое говоришь?! — сорвался юноша на крик. — Кто позволил тебе так говорить о себе?!

Дыхание У Ваньи сбилось, лицо побледнело, а взгляд стал колючим и злым. Ми Юньцзинь долго смотрел на него, затем негромко рассмеялся и, осторожно сжав его ходуном ходящие пальцы, примиряюще произнес:

— Хорошо, прости. Больше не буду.

— Что значит «больше не будешь»? — упрямо буркнул У Ваньи, сглатывая слезы. — Ни мне, ни тебе, вообще никому в мире нельзя говорить такое!

— Хорошо, никому нельзя, — покорно согласился Ми Юньцзинь, качнув головой.

Успокоившись, У Ваньи зло вытер щеки рукавом и вернулся к пуговицам. Наверное, все слезы, которые он копил последние десять лет, предназначались лишь для этого человека.

Стоило ему наклонить голову, как слезы снова хлынули из глаз, частыми каплями падая на чужие колени. Ми Юньцзинь потянулся, чтобы смахнуть их, но У Ваньи упрямо отвел его руку. Он не произнес ни звука, молча позволяя слезам течь по лицу. Видимо, слова старика действительно глубоко ранили его — плечи юноши до сих пор мелко вздрагивали.

Разве мог Ми Юньцзинь не понимать причин этой злости? Конечно, понимал. Но он жил слишком долго. С самого момента своего пробуждения он точно знал, когда угаснет его земной срок. Врожденное чувство долга заставляло его воспринимать круговорот смерти и возрождения с благоговейным трепетом и верой. Ему оставалось лишь смиренно ждать своего часа, день за днем.

И хотя он никогда не считал свое существование напрасным, он давно утратил способность испытывать бурные, всепоглощающие страсти. У Ваньи же был иным. Истерзанная душа на пороге гибели — хрупкая снаружи, но отчаянно борющаяся за каждый глоток воздуха. Каждая его рана была следом этой борьбы. На фоне безмятежного спокойствия Ми Юньцзиня этот мальчик горел ярким, яростным пламенем.

Ми Юньцзиню хотелось согреть его в своих ладонях, скрасить его последние дни, прогнать леденящее одиночество. Речные воды ласковы, но и палые цветы полны нежности. Пусть река иссякла, а лепестки поблекли — перед тем как кануть в небытие, они еще могли согреть друг друга последним теплом.

Ми Юньцзинь наклонился и коснулся губами его дрожащего рта. У Ваньи замер, а затем

медленно поднял на него полные слез глаза.

У Ваньи не спрашивал, когда придет срок расставания, да и Ми Юньцзинь не заговаривал об этом. Их скорый уход был истиной, не требующей слов. Старость Ми Юньцзиня достигла своего предела: взгляд помутнел, некогда чистый голос осел и стал дребезжащим, а удары сердца — редкими и слабыми. Он угасал, подобно догорающей свече, чей фитиль едва теплился в лужице воска.

Ваньи помнил ту безумную радость возрождения, когда вновь увидел его живым, но теперь лицом к лицу столкнулся с беспощадной реальностью. Старик держался из последних сил, расходуя остатки жизненной искры ради каждого нового рассвета. Почему он шел на эти муки? Ваньи знал ответ. Он крылся в тех простых словах, что Ми Юньцзинь обронил однажды:

«Просто хочу побыть с тобой».

При одном воспоминании об этом сердце сжималось от невыносимой боли. Ваньи запрещал себе думать дальше — иначе слезам не будет конца.

По ночам он сидел на краю постели, не сводя глаз с уснувшего старика. Ему приходилось то и дело прислушиваться к его слабому дыханию, чтобы убедиться: тот еще жив. Ваньи понимал, что каждая секунда сейчас — краденая. У них был сегодняшний день, но завтрашний им никто не обещал.

Подтянув колени к груди, Ваньи до боли прижал их к животу. С увяданием Ми Юньцзиня притупившаяся было болезнь нахлынула с новой силой. Старые, подавленные хвори вспыхнули с удесятеренной яростью. Лицо его покрылось мертвенной бледностью, он согнулся пополам от спазма. Нарастающая слабость и медленный распад собственного тела ясно говорили: его собственный путь тоже подходит к концу.

И это было даже к лучшему. Прежде Ваньи терзался бы обидой и не смирился бы с судьбой, но теперь на душе у него было спокойно. Он смотрел на спящее лицо Ми Юньцзиня, очерчивая пальцем в воздухе его благородный профиль. Даже изборожденное морщинами, это лицо оставалось безупречным.

Уткнувшись подбородком в колени, Ваньи осторожно перебирал белые пряди на его виске, наматывая их на палец.

«Если сделать так, — подумал он, — то даже если смерть разлучит нас, мы всё равно останемся вместе».

Глуша подступающую боль, он прикрыл глаза. Ми Юньцзинь одряхлел, а он сам угасал. И это

было правильно. Самый лучший, самый гармоничный финал. Вся былая безысходность растворилась в этой очищающей, тихой боли.

— Хочешь посмотреть на море? — как бы между прочим спросил У Ваньи, осторожно распутывая гребнем длинные седые пряди.

— Разве в дождь на него смотрят? — приоткрыв глаза, отозвался старик.

— Если очень хочется, то можно в любую погоду.

Ми Юньцзинь бессильно откинул голову. Веки его подрагивали, грозя сомкнуться в вечном сне.

— Хорошо, — улыбнулся он.

Глянув на оставшиеся на зубьях гребня белые волосы, У Ваньи бережно собрал их и спрятал в карман.

— Подожди меня внизу, я быстро переоденусь.

— Иди.

Помогши Ми Юньцзиню спуститься, Ваньи вернулся в спальню. Опустившись на край кровати, он долго разглядывал безжизненные белые нити на ладони. Каждая мелочь кричала о неминуемом конце. Стиснув зубы, он взял ножницы и без жалости отрезал прядь собственных темных волос, а затем крепко переплел ее с белой прядью Ми Юньцзиня. Прежде он презирал глупые суеверия, но сейчас цеплялся за них, как утопающий за соломинку.

Бережно спрятав оберег у самого сердца, он выдвинул ящик тумбочки и достал старую упаковку сильных анальгетиков. Он не принимал их уже очень давно, и истощенный организм отказывался принимать химию. Стоило проглотить таблетку, как его скрутило судорогой. Ваньи согнулся пополам, захлебываясь сухим, мучительным кашлем; к горлу подкатила невыносимая тошнота.

Кое-как переведя дух, он снова закинул в рот несколько кругляшей, но выплюнул их еще до того, как успел сделать глоток воды. Жгучая горечь въелась в рецепторы, вызывая спазмы в желудке. Препараты, к которым он когда-то привык, теперь казались смертельным ядом. И все же он не отступил. Дрожащими руками он заставил себя проглотить лекарство, силой удерживая его внутри.

«Зачем ты себя мучаешь?» — тихо спросила система 7008.

— Я не хочу, чтобы моя боль отравляла его последние часы, — хрипло прошептал он в пустоту.

А что ему еще оставалось? Лекарство было горьким, но без него он просто не мог стоять на ногах.

Свинцовое море глухо рокотало, вздымая серые гребни под порывами сырого ветра. Одной рукой У Ваньи удерживал зонт, а другой поправлял воротник плотного пальто на плечах Ми Юньцзиня, сидевшего в инвалидном кресле. Несмотря на разгар лета, сырость пробирала до костей, и старик мерз так, будто стояла зима. Случайно коснувшись его ледяных пальцев, У Ваньи вздрогнул.

Он тут же спрятал дрожащую ладонь за спину, сохраняя внешнее хладнокровие. На грудь Ми Юньцзиня спускалась аккуратная белая коса — даже на пороге смерти он сохранял свое неброское изящество.

Вглядываясь в бушующие валы, старик негромко произнес:

— Так вот оно какое... море.

В его затуманенных глазах отражались тусклые отблески волн. У Ваньи судорожно сглотнул, чувствуя, как защипало в носу. Он ведь мечтал о другом. Думал, что покажет ему море в ясный, погожий день, когда волны искрятся золотом под лучами солнца, а песчаный берег сияет, словно россыпь звездной пыли.

Но у них не осталось времени. Ни у одного, ни у другого.

Сжав рукоять зонта до белизны в костяшках, У Ваньи заставил себя успокоиться и тихо спросил:

— Интересно, сможет ли новый «Ми Юньцзинь» прорасти прямо в море?

Он заговорил об этом так спокойно, словно давно примирился с неизбежностью круговорота жизни.

Ми Юньцзинь слабо улыбнулся:

— Кто знает. Может быть.

Старик смотрел на бескрайнюю водную гладь. Под хмурым, затянутым тучами небом море казалось грозным и холодным, а его грохот заглушал любые звуки, словно напоминая о ничтожности человеческого века. Им не нужно было безоблачное небо. Дикая, первозданная мощь шторма была по-своему прекрасна.

Ми Юньцзинь медленно поднял ладонь навстречу соленым брызгам и поймал крупную дождевую каплю.

— Спасибо тебе. Я счастлив.

В его угасающей жизни не осталось места одиночеству или обидам. Всё, что подарил ему У Вань, было самым ценным даром.

Юноша смолчал, лишь молча держал над ним купол зонта, защищая от холодного ветра.

Затянувшаяся череда ненастных дней изматывала У Вань. Его бесило, что их последние совместные часы тонут в серой, унылой хмари. Поэтому, когда однажды утром его лица коснулся теплый, яркий луч солнца, он на секунду подумал, что всё еще спит. Нащупав рядом лишь холодную простыню, он испуганно распахнул глаза и бросился вон из постели.

Он не удержался на ослабевших ногах и со стуком повалился на пол. Но из раскрытого окна донесся тихий шорох — на заднем дворе Ми Юньцзинь бережно поливал клумбу. После того как старик начал угасать, пустынные розы в саду тоже поникли, потеряв былую сочность. Но сегодня, облаканные ярким солнцем, они словно воспряли духом.

Страшное, отчетливое предчувствие ледяной волной окатило У Вань с ног до головы. Прижав ладонь к груди, где бешено колотилось сердце, он разрыдался, не в силах подняться с пола. Слезы текли ручьями, застилая взор, но он зажимал рот ладонью, боясь издать хоть единый всхлип, чтобы не разрушить этот миг.

Спустя вечность он заставил себя успокоиться, грубо стер слезы с лица и поднялся на ноги. Это был последний раз, когда он позволил себе слабость. Сделав глубокий вдох, он прогнал остатки влаги из глаз и уверенно спустился в сад.

Услышав шорох шагов, Ми Юньцзинь обернулся и тепло улыбнулся:

— Вань, иди сюда.

Юноша замер, любуясь его лицом в ореоле золотистого света, а затем медленно пошел навстречу.

Садовые качели слегка отсырели после дождей, но держались крепко. У Ваньки сидел на коленях у Ми Юньцзиня, крепко ухватившись за пеньковый канат подвеса. Старик обнял его за талию и тихо спросил:

— Ваньки, у тебя есть заветное желание?

Ваньки перевел взгляд на его морщинистые, иссохшие руки.

— Нет, — сипло ответил он.

«Раньше я хотел лишь умереть без мучений, — подумал он. — И сейчас хочу того же».

Но теперь это желание проросло бесчисленными побегами, и на каждом было высечено имя Ми Юньцзиня.

— А у тебя? — спросил он в ответ.

Ми Юньцзинь прижался к нему ближе, положив подбородок ему на плечо. Его тихое дыхание щекотало шею.

— Мое желание уже исполнилось.

Его единственным стремлением было выполнить предназначение цветка.

Почувствовав, как слабеет грудная клетка старика, Ваньки судорожно вцепился в веревку. Горло перехватило судорогой.

— А на сегодня? Чего бы тебе хотелось именно сейчас? — прошептал Ми Юньцзинь.

Его голова тяжело соскользнула вбок. У Ваньки похолодел от ужаса и поспешно придержал его лицо, не давая упасть.

— Хочу... увидеть радугу, — с трудом выдавил он сквозь слезы.

— Хорошо, — в голосе старика слышалось облегчение.

Но грудь Ваньки разрывало от боли.

— Ваньки... перед уходом повидайся с друзьями.

— Ладно, — кивнул юноша, бережно прижимая к себе его обмякшую голову.

— Вань, смотри... радуга...

Он поднял глаза. На горизонте, омытая солнечным светом, раскинулась великолепная семицветная дуга. Она сияла и переливалась, словно хрустальный мост между небом и землей.

— Я вижу. Она невероятно красивая.

— Ты рад?

Горячая слеза скатилась по щеке Вань. Он вспомнил чужие слова: «Любить кого-то — значит делать его счастливым».

— Да... очень рад, — выговорил он, собрав последние силы.

— Вот и славно, — донесся тихий, как шелест травы, вздох.

Внезапно объятия разомкнулись. Сердце У Вань камнем ухнуло в пустоту. Оцепенев, он смотрел, как вокруг него закружился вихрь алых лепестков. Качели замерли. За его спиной больше не было никого.

Порыв ветра унес цветочную метель, растворив ее в воздухе без следа. На клумбе не осталось ни одного бутона. В комнате на столике, где в аптечном флаконе стояли две розы, одна рассыпалась серым пеплом, а вторая мгновенно засохла.

Вань сидел неподвижно, глядя перед собой остекленевшим взглядом. Лишь когда на лицо упали первые холодные капли, он поднял голову к небу. Оно по-прежнему было затянуто свинцовыми тучами.

Погода не менялась. До самого своего последнего вздоха Ми Юньцинъ берег его покой, подарив ему на прощание прекрасный, ласковый мираж.

Задыхаясь от безмолвного крика, Вань закрыл глаза под потоками ледяного дождя. Это действительно были его последние слезы.

Вопреки всему, У Вань не сломался и не заперся в четырех стенах. Напротив, он с удивительной собранностью привел в порядок все дела и распланировал оставшиеся дни.

Первым делом он заглянул к соседке, чтобы вручить ей прощальный подарок. Девушка искренне обрадовалась его визиту и позвала на чашку чая, но он вежливо отказался.

Затем он купил билет в город, где когда-то учился. Отыскав нужную больницу, Ваньки остановился у дверей родильного отделения. Из палат доносился залиvistый детский плач и счастливые голоса родственников. Не став заходить, он передал сверток дежурной медсестре и ушел.

Вернувшись в палату, новоиспеченный отец удивленно уставился на серебряный замочек-оберег в руках жены.

— Медсестра принесла, — пояснила она. — Сказала, какой-то твой однокурсник передал. Просил поблагодарить за то, что ты когда-то пришел на похороны его родных.

Мужчина надолго замер, перебирая в памяти лица, пока перед глазами не возник бледный, нелюдимый парень.

— Что-то не так? — забеспокоилась жена.

— Да нет, ничего, — тихо ответил он.

Они не были однокурсниками — учились в одном классе в школе, а потом волею судьбы поступили в один университет. Общались мало, едва здоровались. Единственным, что их связывало, были три траурные церемонии. Этот парень один за другим похоронил всех своих близких, оставшись круглой сиротой.

На похороны Ваньки никого не звал. Одноклассник пришел сам, без приглашения. Он не лез с соболезнованиями — просто видел, что У Ваньки стоит на краю пропасти и может сорваться в любой миг. Он молча помогал с бумагами, носил воду, просто сидел рядом. Они почти не разговаривали, и Ваньки тогда даже не сказал «спасибо». Да тот и не ждал.

Вскоре У Ваньки уехал из города, связь оборвалась навсегда. Мужчина думал, что его давно забыли.

— Подарок такой дорогой... — с сомнением произнесла жена, поглаживая пальцем серебро.

Он мягко улыбнулся:

— Всё хорошо, оставь. Раз он пришел, значит, у него наконец-то всё наладилось.

В восемь вечера в баре начался привычный ажиотаж. Девушка-бармен заметила на стойке плотный конверт и подозвала коллегу:

— Это от кого?

— Без понятия. Какой-то парень оставил для тебя.

— Парень?

— Ну, тот хмурый, что всегда сидел в углу у окна, а потом пропал.

У барменши перехватило дыхание. Она торопливо вскрыла бумагу. Внутри лежала банковская карта и короткая записка: «Спасибо».

Всего одно слово, но от него веяло такой тяжестью, словно пишущий вложил в него последние крохи сил.

— Где он?! — она мертвой хваткой вцепилась в рукав напарника.

— Да ушел уже...

Она выбежала на улицу, не обращая внимания на крики администратора. Прохожие спешили мимо, огни ночного города слепили глаза, а в груди зияла пустота. Ей не нужны были эти деньги, не нужны были долги за лекарства.

Глаза обожгло слезами. Она поняла: У Ваньки больше не вернется. На этот раз он ушел навсегда.

На мосту через пролив дул резкий, соленый ветер. У Ваньки стоял у перил, глядя на темную воду. Лицо его было спокойным, почти безжизненным. В душе не осталось ни обиды, ни желания сделать последний шаг вниз. Все прошлые терзания и борьба вдруг показались мелкими и бессмысленными.

Позади тихо скрипнули тормоза. Из патрульной машины вышел полицейский и крикнул:

— Эй! Ночью здесь находиться запрещено!

Ваньки не спеша обернулся. Узнав лицо офицера, он достал из кармана пачку сигарет и бросил ее мужчине.

— Я уже ухожу.

В самый первый раз, когда Ваньи пришел сюда с мыслью о смерти, этот полицейский не стал читать ему нотаций. Он просто молча протянул ему сигарету и велел идти домой. С тех пор Ваньи пристрастился к табаку. Каждый раз, возвращаясь на этот мост, он закуривал, смотрел на воду... и уходил. Раз за разом сигаретный дым спасал ему жизнь.

Сделав несколько шагов, Ваньи остановился и, не оборачиваясь, негромко произнес:

— Я больше не приду сюда.

Он зашагал прочь, растворяясь в ночной мгле. Офицер остался стоять у патрульной машины, сжимая в руке пачку сигарет.

Только теперь, оглядываясь назад, Ваньи понял: даже в самые беспросветные времена его жизнь невидимыми нитями удерживали десятки чужих людей.

Он посмотрел на бездонное черное небо и тихо, почти беззвучно прошептал:

— Я больше не злюсь.

Слова растаяли в шуме прибоя. Кому они предназначались — Богу, миру или самому себе, — знал лишь он один.

У Ваньи не стало на третью ночь после ухода Ми Юньцзиня. Он умер во сне — тихо, без мучений. Просто закрыл глаза и больше не проснулся.

Похороны вышли скромными. Проводить его в последний путь пришли всего несколько человек. Не было ни громких рыданий, ни фальшивых речей. Обычный человек тихо покинул этот мир.

И лишь серое небо провожало его прах, который, согласно завещанию, развеяли над бескрайними песками пустыни.

Год спустя, на стыке весны и лета, раскаленная пустыня вновь наполнилась туристами. Отель всё так же возвышался среди дюн, его фасад по-прежнему украшала цветочная эмблема, а приветливая девушка-гид с прежним задором рассказывала гостям легенды. Сегодня она

вещала о загадочном «божественном цветке», и увлеченные слушатели ловили каждое слово.

— Скажите, а где можно почитать об этом подробнее? — спросил один из туристов, молодой парень в очках.

Гид на секунду замерла. Ей на мгновение показалось, что перед ней стоит тот самый высокий, худой и вечно хмурый юноша.

Тряхнув головой, она прогнала наваждение и улыбнулась студенту:

— Письменных свидетельств почти не осталось. Но вы можете заглянуть в старую библиотеку и поискать в местных хрониках.

— Спасибо!

— Не за что.

Прошлым летом кто-то оставил у ее порога целую корзину спелой, алой черешни. Интересно, уродился ли урожай в этом году?

Девушка опустила глаза, и на ее губах заиграла грустная, но теплая улыбка.

Ночью знойная пустыня погрузилась в прохладу.

Небосвод усыпали мириады звезд, а полная луна заливала барханы призрачным светом, превращая песчаное море в подобие бескрайней серебряной реки. В этой торжественной тишине по небосводу прочертила яркую линию падающая звезда.

Прождавшая почти год система 7008 открыла глаза.

«Наконец-то оно проросло».

Из сухого песка пробился крошечный зеленый росток. Хрупкий, но полный неукротимой жизненной силы, он слабо светился золотом, неся в себе надежду на новое начало.

О смерти Ми Юньцзинь позаботился заранее, оставив простой ответ:

«Смерть — это лишь продолжение жизни».

<http://bllate.org/book/20309/2215066>